

ШЕЛБИ МАХЁРИН

ПРИЗРАЧНАЯ
НЕВЕСТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.9

ББК 84(7Coe) 44

М36

Shelby Mahurin
THE SHADOW BRIDE

*Печатается с разрешения HarperCollins Children's Books,
a division of HarperCollins Publishers, and Synopsis Literary Agency*

Русификация обложки *Екатерины Климовой*
Иллюстрация на обложке *HarperCollins Publishers LLC*

Махёрин, Шелби.

М36 Призрачная невеста : [роман] / Шелби Махёрин; пер. с англ.
Н. Морозовой. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 704 с. —
(Mainstream. Фэнтези).

ISBN 978-5-17-188733-9

Жизнь Селии окончена. Свой последний вдох она сделала, когда пыталась спасти любимых, в том числе могущественного и загадочного короля вампиров Михала, который не пожелал её отпускать. Очнувшись, Селия поняла, что не может находиться на солнце. Она слышит, как бьются сердца её друзей, и жаждет крови близких. Михал обрёл её на вечную жизнь в качестве вампира.

Однако не только Селия воскресла из мёртвых. Её сестра Филиппа вернулась бледной тенью себя, а из могил восстали мертвецы. Хрупкое равновесие между жизнью и смертью нарушено, пробуждая тёмное зло — и он идёт за Селией, готовый объявить её своей Невестой. Когда на карту поставлена судьба всего мира, Селия и Михал должны отбросить страстное влечение, чтобы исцелить завесу и восстановить равновесие.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(7Coe) 44

Copyright © 2026 by Shelby Mahurin

© HarperCollins Publishers LLC,

иллюстрация на обложке

В оформлении макета

использованы материалы

по лицензии © shutterstock.com

ООО "Издательство АСТ", 2026

ISBN 978-5-17-188733-9

© Н. Морозова, перевод на русский язык

Смерть — это еще не конец.
Любовь царит вечно.

*Посвящается Пиппе, которая будет жить вечно
на страницах этой книги*

ЧАСТЬ I

Chat échaudé craint l'eau froide

Пуганая ворона и куста боится.

Французская пословица

ГЛАВА 1

Отражение

Лишь мелодичный звон музыкальной шкатулки нарушал тишину в спальне.

Я смотрела на безделушку с другого конца комнаты. Фигурки кружились в механическом танце, их украшенные крылышки мерцали в отблесках пламени единственной свечи. Рид зажег ее этим вечером, пока я притворялась спящей. Когда опустились сумерки, Лу тихонько на цыпочках прошла к окну и отдернула занавески, надеясь впустить лунный свет, но грозовые тучи застилали ночное небо, и комнату заполнили тени. Словно плащ, они окутали меня, а феи все танцевали в ореоле света.

— Ты как, Селия? — прошептала Мила, сидевшая на стуле у моей кровати.

После произошедшего в гроте она прошла сквозь разрыв в завесе у собора Сан-Сесиль, чтобы побыть со мной рядом в царстве живых. И хотя она говорила мало — а меня просила говорить еще меньше, — я не могла понять, благодарна ли я ей за это или нет. Не могла решить, хочу ли я вообще ее видеть сейчас.

— Все хорошо, — прошептала я в ответ.

Феи продолжали свой танец.

Музыкальную шкатулку Лу и Рид принесли из моей комнаты в Башне шассеров. Оттуда же они забрали и другие мои вещи: свечи из пчелиного воска, духи с ароматом роз, бижутерию и сборники сказок с потрескавшимися корешками. Стеганое одеяло изумрудного цвета, лежавшее на постели. Напольное зеркало в позолоченной раме, стоявшее в углу. Нелепую прозрачную сорочку, которая сейчас была на мне.

Они принесли мои вещи в надежде помочь.

В надежде напомнить мне, что я все еще Селия Трамбле.

Откуда им было знать, что когда-то я завидовала феям на музыкальной шкатулке так же сильно, как и обожала их. Мечтала украсть у них крылья и улететь в их царство, очаровать волшебных существ и влюбиться в сказочного принца. Шкатулку мне подарила нянюшка Эванжелина на мой восьмой день рождения, и целых две недели я только и говорила о подарке, пока Филиппа не разозлилась и не разбила шкатулку вдребезги.

Разумеется, она тут же пожалела об этом и склеила фей, как смогла. Я даже не заметила, что их улыбки немного потрескались. Возможно, я была слишком мала — или слишком много предавалась мечтам о великих приключениях и прекрасной любви, от которой замирало сердце, — а может, просто никогда не обращала внимания на эти трещинки. Но сейчас я смотрела на них и в душе ненавидела их.

О каких глупостях я тогда мечтала.

Отвернувшись, я тяжело вздохнула, а потом сделала глубокий вдох, чтобы наполнить легкие возду-

хом, который мне больше не нужен. Непроизвольное действие. Ошибка. От внезапной волны запахов в животе все сжалось, рот наполнился слюной. Голова закружилась, десны заныли. Я зажмурилась, чтобы справиться с тошнотой, но перед глазами заплясал калейдоскоп ярких красок, пульсируя в унисон с биением двух сердец. У меня сжались кулаки и удлинлись зубы, слюны во рту стало еще больше. Горло непроизвольно сдавило, и всего на секунду мой взгляд задержался на двери спальни. Все застыло. Замерло, словно на острие кинжала.

Лу и Рид прошли мимо двери.

Я слышала, как они начали готовить на кухне ужин, — тихий звон посуды, легкое касание плеч, когда они проходили мимо друг друга. Биение сердца Лу слегка участилось, когда Рид поцеловал ее в висок. Он негромко засмеялся, когда она шлепнула его по задку. Они были полностью поглощены друг другом.

Ничего не видели вокруг.

«Они не заметят тебя, — прошептал знакомый голос в голове. — Пока не будет слишком поздно».

Так и есть. Хотя глаза у меня были закрыты, словно наяву я видела, как кровь течет по их венам, могла представить ее на вкус — густую, терпкую и горячую, роскошную до неприличия, как королевский пир. Мила не стала бы меня останавливать. В последние мгновения моей жизни Мила была рядом, и я знала, что она винила себя в случившемся, хотя никогда не говорила об этом. Возможно, если бы она как-то уговорила или заставила меня пройти через тот злосчастный золотой свет, ничего этого бы не произошло, но она лишь сказала мне выбрать. Ведь если я ничего не выберу, другой возможности уже не будет.

Как иронично.

Я с трудом сглотнула. Нет, Мила не остановила бы меня — не смогла бы, — но вот Одисса? Склонив голову, я прислушалась. Одисса перелистывала книгу, намеренно не обращая внимания на приторно-сладких людшек.

— У меня от них зубы ноют, — сказала она вчера и прожгла меня своим характерным пронзительным взглядом. — Когда мы уже вернемся домой?

Домой.

Для нее это был Реквием. Михал отправил Одиссу в Цезарин, чтобы она присмотрела за мной и помогла мне, но она не собиралась оставаться здесь навечно. В глубине души я знала, что и Михал этого не хотел. Его последние слова до сих пор преследовали меня во снах — вернее, преследовали бы, если бы я спала.

«Прошу, останься».

Михал не знал, что я слышала его. Не должна была, ведь мое сердце остановилось, но я все равно его слышала. И теперь этого уже не изменить. Он умолял меня не уходить, но где же он сам? Почему не настоял, чтобы я осталась с ним на острове Реквием? А если не там, то почему сейчас он не со мной здесь, в этой злосчастной комнате? Почему Одисса, а не он помогает мне пережить превращение? Мне было тошно от всех этих вопросов — бессмысленных и глупых, наименьших из всех моих бед, — и все же я не могла не думать о них. О нем. Ничто не могло отвлечь меня от этого алого тумана в голове, а Михал, словно яд, растекся по телу.

Зачем он укусил меня, а потом бросил? Зачем оставил меня на попечение моим друзьям, когда я могла навредить им?

Я даже не поняла, что с силой сжимала дверную ручку, пока ладонь не начала гореть.

Зашипев, я отскочила и устоялась на серебряную цепочку, обмотанную на ручке. Лу не считала, что такая предосторожность необходима. Возражала, но я настояла, и в конце концов она выполнила мою просьбу: достала единственное свое серебряное украшение — уродливое потускневшее ожерелье, когда-то принадлежавшее ее прапрабабке.

И вот сейчас Лу стояла на кухне и делала вид, что ее тошнило, пока Рид протягивал ей морковку. Я сжала обожженную руку в кулак.

— Задержи дыхание, — мягко произнесла Мила.

«Они не заметят», — повторил пугающий голос.

Я тут же перестала дышать, лишь спустя нескольких секунд с трудом вернула себе самообладание и заставила себя отойти от двери. В голосе, откуда бы — от кого бы — он ни шел, слышалось разочарование: «*Ты умрешь с голоду*».

Похоже на голос моей сестры.

— Не умру.

Я замотала головой, глядя на тень в зеркале, а Мила посмотрела на меня широко распахнутыми глазами. Да и как иначе? Я разговаривала с кем-то, кого здесь не было, а все происходящее — абсолютно все — было ненастоящим. Филиппы не могло быть сейчас здесь, рядом со мной. Даже если ритуал Фредерика прошел успешно, даже если моя сестра вернулась в виде духа

или... или чего-то другого, я бы увидела ее, а Мила услышала бы.

Все верно. И молчание Милы, как ничто другое, доказывало, что Филиппа мертва, а ее слова мне просто слышались. Уже не в первый раз я слышу голоса. Я бросила взгляд на зеркало. Едва заметные трещинки на серебристой глади причудливо отражали свет, в остальном же зеркало оставалось безмолвным и неподвижным. В завесе не колыхалось никаких разрывов, не слышалось смеха, не сиял изумрудный глаз.

И все же я жадно рассматривала зеркало.

Знала, что лучше не делать этого. Лучше не надеяться.

И все же я подошла к злосчастному зеркалу, глядя туда, где должно быть мое отражение. Молясь в сотый — тысячный раз, — чтобы сон закончился именно сейчас. Пускай сказочный принц пробудит меня поцелуем и мы будем жить долго и счастливо.

«Пожалуйста».

Я стояла и ждала, но ничего не происходило. Снова закрыла глаза. Открыла. В зеркале было пусто, и мне стало горько. Не задумываясь, я схватила музыкальную шкатулку и швырнула ее на дощатый пол. Колыбельная оборвалась с громким, но таким приятным треском, однако моя ярость не утихла — наоборот, словно желчь, поднялась к горлу, и, когда фарфоровые осколки разлетелись по полу, я выругалась. Пустая улыбка принцессы осталась нетронутой. Зарычав, я начала топтать фею. Я топтала их всех — каждый осколок, — пока от них не осталось ничего, кроме сверкающей пыли, пока мои босые ступни не начали кровоточить и болеть, как я того и хотела.

Однако прежде, чем я успела схватить серебряную цепочку, в прихожей раздались приглушенные голоса. Тихо отворилась входная дверь, зашелестели наряды из шелка и шерсти. Послышалось ровное биение двух сердец. Двух, не трех. Гости тихо переступили порог, и дверь закрылась.

— Как она? — прошептала Коко.

— Мы что-нибудь пропустили? — спросил Бо.

Жан-Люк тоже должен был что-то сказать, но его голоса не раздалось. Он не пришел.

«Сколько же их! Всех и не запомнишь, — певуче протянул голос. — Жан-Люк, Михал... Михал, Жан-Люк...»

Изю всех сил я старалась не обращать на него внимания. Рид перестал орудовать ножом, и тихие влажные звуки стихли.

— Ничего не изменилось.

«Он никогда тебя не полюбит».

Я отшатнулась и посмотрела на обломки музыкальной шкатулки.

— Мы не хотели будить ее до ужина. — Лу слегка споткнулась, когда Мелисандра потерлась о ее ноги и послышалось звучное мурлыканье. — Она такая... измученная.

Мила потянулась ко мне, словно хотела обнять и утешить. Однако когда я напряглась, страхась ее прикосновения, она замерла и опустила руку.

— Сегодня будет лучше, Селия, — мягко произнесла Мила, пока Коко и Бо расшнуровывали ботинки. — Не теряй надежды.

Мне хотелось посмеяться над ее умением не унывать, но я не стала.

— И с чего ты так решила? Может, вчера было лучше? Позавчера? Или на прошлой неделе?

Мила промолчала. Она не могла ответить — по крайней мере, честно, — и мы прислушались к Бо.

— Она что-нибудь ела? — спросил он.

Иногда они забывали, что я могла их слышать. Иногда они притворялись, что ничего не изменилось.

Снова взяв нож, Рид ловко нарезал мясо и овощи. Резкий запах еды — возможно, оленины с морковкой и горошком — проник в мою спальню и желудок.

— Ни разу со вчерашнего вечера.

— А сегодня?

Рид не мешкал с ответом.

— Олень. Мы надеемся, что крупное животное поможет.

«Крупное животное».

Я подавила тошноту.

— Говорю тебе... — Лу наконец-то понизила голос, но я все равно слышала каждое слово. — Ее тело не хочет оленя. Ей нужно... может... найти медведя или...

— У нас в Бельтерре что, медведи водятся? — резко спросил Бо.

Раздраженно вздохнув, Коко повесила плащ, а запах ее крови... Перед глазами снова все поплыло. Я ухватилась за столбик кровати, чтобы не упасть.

— Ты что, не знаешь этого? Ты ведь король...

— Но я же не король медведей, Козетта.

Одисса фыркнула.

— Нет, Борегар, — терпеливо ответила Коко, — в Бельтерре не водятся медведи, но давайте будем честны, ее тело вообще не хочет животного. Селии нужна... настоящая еда. Я сказала ей, что мы можем помочь в охоте, но она отказалась.

Закрыв книгу, Одисса лукаво спросила:

— Вот как? И вы знаете, как охотиться на людей?

Повисло молчание, и все неохотно посмотрели на нее. Хотя они всеми силами старались не обращаться на Одиссу внимания, всегда отвечали ей, если так было нужно... Вероятно, ради меня. Вчера Одисса отчитала Лу за то, что та накормила Мелисандру сыром.

— Ты вообще знаешь, что кошкам вредно есть еду из молока?

Но тут вмешался Рид, и тогда она еще час рассказывала всяческие легенды и случаи из истории о рыжеволосых.

Коко сделала глубокий вдох.

— Разумеется, мы не знаем, как охотиться на людей, но...

— Я знаю, — бросил Рид.

В отличие от Коко, он не скрывал отвращения к вампирам на своей кухне. Пока Одисса ворчала, что от Мелисандры неприятно пахло, и рассказывала о том, как рыжеволосых приносили в жертву еще при рождении, он потерял самообладание.

— Вместе мы помогли бы Селии выпить кровь, не причиняя никому вреда.

— Ах да, — отозвалась Одисса.

Наверняка сейчас она с вежливым безразличием разглядывала свои ногти.

— Ты же *охотник*. Скажи мне, дорогой, при всех своих знаниях и опыте, как ты себе это представляешь? Вы вчетвером — трое из вас, между прочим, правят Бельтеррой — выходите ночью на улицы королевства и набрасываетесь на ужин для Селии?